

составленный Нисицуной Масаёси; "Справочник народных обычаев и материальной культуры Японии" Хафури Миясидзу; "Календарные праздники Японии" Сиода Кацу. Уникальными материалами для изучения праздников являются издания местных обществ по охране культурных ценностей, содержащие этнографические описания отдельных элементов праздников.

Глава 2. Новогодний праздничный комплекс

Понятие Нового года

В Японии, как и в других странах Восточной Азии, новогодние празднества занимают важнейшее место среди календарных обычаев и обрядов и по времени охватывают практически весь зимний сезон. С ними самым тесным образом связано и много других праздников начала года как истока нового жизненного и трудового цикла, а также благополучия. Поэтому большинство обрядов и обычаев в это время связаны с надеждами людей обеспечить себе счастливый, удачный год. Для крестьян это означает заложить основы хорошего урожая; для торговцев – прибыльного ведения дел; для служащих – повышение в должности; для студентов – успешную сдачу экзаменов; и для всех – счастье в жизни.

В новогодние празднества входят земледельческие обряды, разнообразные снежные фестивали, праздники, связанные с отражением культа природы (любование первым цветущим в году деревом – сливой), и другие, как дошедшие до нас из глубины веков, так и вполне современные. И заканчивается этот комплекс, как и весь зимний сезон, праздником пробуждения природы – Сэцубуном, означающим конец зимы и приход весны.

Комплекс новогодних торжеств в настоящее время несколько растянут во времени в связи с переходом от лунного календаря к солнечному. Раньше он начинался дней на 20 или на полтора месяца позже, т. е. либо совпадал с началом весны, либо был ее предшественником. Новый год был, пожалуй, единственным праздником, который земледельцы в конце XIX в. начали отмечать по григорианскому календарю.

Со стародавних времен Новый год в Японии является поводом для разнообразных и сложных обрядов и церемоний. Это праздник праздников. По значению его можно сравнить с рождеством на Западе. Даже в период Мэйдзи, когда особо почитались церемонии, связанные с императорской династией, Новый год относился к категории "трех главных праздников" ("сандайсэцу") наряду с Днем основания империи и Днем рождения императора.

По-японский Новый год называется "сэгацу". В буквальном переводе это означает "истинный месяц", а по смыслу – "первый месяц" или "начало года". Это понятие китайское, означающее, что все начинается с первого месяца. Сэгацу воспринималось японцами неоднозначно. Когда вся жизнь была связана с земледельческим трудом, словом "сэгацу" обозначали приход нового сельскохозяйственного цикла для каждой данной культуры. Соответственно были сэгацу "картофельные" и "рисовые". В то же время у рыболовов это понятие отсутствовало, так как лов рыбы длился круглый год. "Картофельный" сэгацу по лунному календарю совпадал с полнолунием 15-го

числа 8-го месяца. Когда же стали возделывать рис, то словом "сёгацу" стали обозначать нынешний январь – первый месяц после уборки риса, Японский ученый, известный специалист по национальным обычаям Хигути Киёюки в этой связи высказал предположение, что именно наличие двух сёгацу делало японских древних императоров "долгожителями". Ведь согласно японским хроникам, они жили якобы по 180 лет [126, с. 24].

Понятие "сёгацу" распространялось не только на календарные даты, но и на начало какого-нибудь дела. При этом подразумевалось, что предыдущий деловой цикл окончился успешно и был отмечен соответствующим торжеством. Отсюда, видимо, родилась японская поговорка "сёгацу и мацури вместе пришли" ("сёгацу то мацури га иссё-ни кита").

Имеется в японском языке и специальное название для первого дня Нового года – "гандзицу" – "день начала". Это тоже китайское понятие, означающее "возрождение" или "отправление в новый путь", его можно выразить также словами "если сбился с дороги, то лучше начать сначала" [126, с. 25]. Отголоском этого понятия первого дня Нового года является ходкая фраза современных японцев: "Если потерял дорогу в горах, лучше вернуться к подножию".

Китайский лунный календарь принес еще одно понятие для обозначения Нового года и соответственно первого дня Нового года – "осёгацу" ("большой Новый год"). По времени он совпадал с появлением новой луны в первом месяце нового года и не имел отношения к древним японским сёгацу. Более того, по старому японскому календарю первым днем первого месяца считался не день новой луны, а день полнолуния. Хага Хидэо считает, что древние японцы предпочитали проводить свои праздники в ясные лунные ночи, а не в темноте, когда на небе лишь нарождается узкая полоска серпа луны [124, с. 127-128]. После появления осёгацу день полнолуния получил название "косёгацу" или "малый новый год".

Утро первого дня нового года тоже имеет свое собственное название – "гантан", или "гантё" (первый иероглиф этого сочетания – ган означает "начало", "исток", второй – тан или тё – "утро"). На поздравительных открытках и по сей день пишут год, месяц и слово гантан. Последнее по отношению к другим месяцам не употребляется.

Кроме "большого" и "малого" в Японии существуют и другие "Новые года". Например, есть так называемый Новый год 7-го числа (нанока сёгацу). Согласно древним китайским верованиям, каждому дню недели соответствует какое-либо живое существо. Первому дню – курица, второму – собака, третьему – кабан, четвертому – овца, пятому – корова, шестому – лошадь, а человеку остается 7-й день. Этот день носит название "дзиндзицу" ("день человека"), и, кстати сказать, в старину он был одним из наиболее популярных традиционных праздников, а в период позднего феодализма стал нерабочим днем.

"Малый Новый год", в свою очередь, имеет различные названия в зависимости от района страны. Так, на Кюсю он называется "Новый год полнолуния" ("моти сёгацу", или "моти тоси", где моти означает "полнолуние", а тоси – "год"); в провинции Ното (название дано по старому районированию) – "молодой Новый год" ("вакасёгацу"); в Хида (тоже по старому районированию) – "Новый год номер 2" ("ни бан сёгацу"); на севере Сайтама – "цветочный Новый год" ("хана сёгацу"), поскольку, как уже говорилось, новый год совпадал с началом весны; в районе Киото-Осака его называли "женский Новый год" ("дзё сёгацу"). Это название объясняют тем, что в Новый год у женщины много хлопот и она не прочь его отсрочить.

Имеется также "Новый год 20-го числа" ("хацука сёгацу"), который означает, что все торжества уже закончились. В районе Киото-Осака его называют "Новым годом костей" ("хонэ сёгацу"). Дело в том, что на Новый год в этой местности в ритуальную пищу входила рыба желтохвост. Кости от нее 20-го числа клали в барду сакэ, добавляли съедобный лопух и редьку, варили и ели. Эта рыба является символом благополучия и удачной карьеры. В преф. Исикава "Новый год 20-го числа" называют "нищенский Новый год" ("кодзики сёгацу"); в районе Киото – "толокняный Новый год" ("хаттай

сёгацу"); в районе Тюгоку – "злаковый Новый год" ("мути сёгацу") или "Новый год тороро" ("тороро сёгацу", тороро – это подливка из тертого ямса с приправами). Все эти названия связаны с тем, что к 20-му числу, последнему дню общения с духом бога, все деликатесы уже съедались и оставалась только простая пища. Точно так же об окончании новогодних торжеств говорят и названия "Нового года 20-го числа" в районе Тохоку – "данго сёгацу" или "маюдама каки". Эти последние названия связаны с тем, что 20-го числа пора съесть новогодние украшения, сделанные из риса, – данго и маюдама.

Вот уже примерно 100 лет новогодние празднества в Японии немыслимы без Рождества. Ежегодное празднование Рождества началось с основанием в 1876 г. первой в Японии христианской (католической) школы для японских девочек. Обычай обмениваться рождественскими подарками появился с 1877 г., когда крупнейший в то время универмаг в Токио "Марудзэн" закупил первую партию таких подарков. А первые открытки с пожеланиями веселого Рождества и счастливого Нового года были привезены из-за границы в 1888 г. Однако вся рождественская обрядность в полном объеме прижилась в Японии только с начала века.

По свидетельству Янагида Кунио, несмотря на то что в XIX в. в стране было некоторое число христиан, празднование Рождества как такового было занесено в страну иностранцами и распространилось поначалу среди торговцев, больше всего общавшихся с иностранцами. Религиозный аспект был очень слаб, весь ритуал воспринимался скорее как развлечение [135, с. 266].

Другой современный известный исследователь истории и культуры Японии Ф. Мараини связывает укоренение празднования Рождества среди японцев с их конфуцианским мировоззрением и синтоистскими верованиями. "Почему японцы с таким энтузиазмом приняли рождество? Не только из-за его торговых возможностей, не только потому, что это необходимо было сделать, чтобы не отставать от заокеанских соседей, а потому что это как бы конфуцианское событие со всеми его церемониальными аспектами: ритуалами и музыкой, подарками, обменом письмами и открытками, пожеланиями всего наилучшего, визитами, детьми и бабушками, семейной радостью и процветанием страны. К тому же оказывается, что фигура доброго дядюшки Санта Клауса с его приветливой улыбкой и мешком, полным интересных вещей, очень удачно вписывается в компанию других улыбающихся, приносящих дары, благосклонных мифологических героев японского пантеона и японской народной религии" [59, с. 17].

Однако этот праздник, по существу своему все же чуждый японцам в своей религиозной основе, прижился на японской почве в основном благодаря широким рекламным мероприятиям заинтересованных в этом коммерческих предприятий. Сегодня Рождество, ставшее уже японской национальной традицией, абсолютно лишено каких-либо религиозных мотивов и воспринимается населением лишь как развлечение, которое сопровождается прогулками по центральным улицам и посещением различных увеселительных заведений. С появлением в жизни японцев Рождества комплекс новогодних торжеств стал начинаться на неделю раньше.

Предновогодние базары

Предпраздничная суэта начинается с предновогодних базаров. Такие базары прошлых веков, устраиваемые для покупки необходимых украшений, одежды и пищи в праздничные дни, а также для веселого времяпрепровождения, встают перед нашими глазами, в частности, с

бессмертных листов гравюр мастеров укиё-э (жанровой живописи, букв, "образы проходящего мира"), возникшей в середине XVII в., и страниц новелл Ихара Сайкаку.

На предновогодние ярмарки в крупных городах (Токио, Осака, Киото) стекалось огромное количество народа и привозилось множество разнообразных товаров. Одну из таких ярмарок XVII в. так живо описал Ихара Сайкаку, что создается впечатление, будто бы ты сам попал на нее. "Чего здесь только нет. Нарядно изукрашенные ракетки для игры в волан, позолоченные и посеребренные молоточки для Гиттё (детской игры в мяч. – Авт.) и еще много разных дорогих безделиц... Сколько рыбы привозят по утрам на рыбный рынок в районе Фуна-тё! Впору предположить, что ее не ловят, а выращивают как овощи... К зеленым лавкам... подходят навьюченные редькой лошади. Редьки столько, что кажется, будто пришло в движение целое поле... В лавках... темно от обилия диких гусей и уток, словно сюда с неба упали тучи. Пестреют разноцветными тканями киотоской окраски лавки на улице Хонтё" [39, с. 210-211].

Но не для всех ярмарки были радостными и веселыми. Многих толкала сюда горькая нужда. Стремясь найти деньги для встречи Нового года по установившейся традиции, бедняки несли продавать на специально устраиваемые ежегодные торги в конце года даже самые необходимые для них предметы. "Вещи, поступившие на торги в последний день года, свидетельствовали о горькой нужде их владельцев", – писал Ихара Сайкаку. Кто-то принес на продажу полотняное новогоднее кимоно для девочки лет двенадцати, другой продавал москитную сетку для комнаты, третий – свиток вошеной бумаги, исписанный каллиграфическим текстом, четвертый – половинку макрели [39, с. 198-199].

Первыми предновогодними ярмарками являются так называемые базары птиц (тори-но ити), существующие с середины XVIII в. Они устраиваются начиная с ноября на базе храмов Отори дзиндзя (Святынища птиц), которых особенно много в районе Канто. Главный из них находится в Токио в районе Дайто. Своим названием они обязаны легенде о том, что душа одного из умерших синтоистских божеств вылетела в виде белой птицы. Ярмарки при этих храмах проводятся в день птицы по лунному календарю. Поэтому в зависимости от года их число колеблется от двух до трех. Год, когда на ноябрь выпадает три "птичьих" дня, расценивается как неблагоприятный (считают, что в такие годы обычно бывает много пожаров или случается неурожай), и поэтому в храм стекается особенно много паломников, что весьма выгодно для него. Но это, увы, не помогает; например, в ноябре 1980 г. было три птичьих дня и храм Отори дзиндзя посетило около 1 млн. человек, но урожай риса в этот год был очень плохим.

Среди новогодних аксессуаров на этих ярмарках наибольшей популярностью пользуются такие талисманы на счастье, как грабли (кумадэ, доел, "медвежья лапа"). Считается, что подобно тому, как человек стребает граблями зерновые во время сельскохозяйственных работ, так он будет "загрести" и счастье. Грабли сделаны из бамбука и представляют по форме букву "Т" с еще одной поперечной планкой меньшего размера, от которой веером расходятся тонкие пластинки с загнутыми концами. Размеры кумадэ колеблются от полутора метров до 10 см. Иногда они украшены очень богато. В их орнамент входят различные символы благополучия и долголетия: золотые монеты, фигурки семи богов удачи, журавлики и т. д. В зависимости от украшения цена их может быть от 2 до 700 тыс. иен. Кумадэ как талисман счастья держат дома или на работе [110, с. 251; 123, с. 36, 37].

В наши дни особую популярность сохраняют и такие предновогодние ярмарки, как "ярмарка года" (тоси-но ити) в Токио, или, как ее еще называют, "ярмарка всякой всячины" (нания-кая ури) в районе Асакуса вблизи храма Каннон, а также рынок в районе Сэтагая (Сэтагая боро-ити, боро – по-японски "хлам", ити – "базар"), где продавалось старье. Обе ярмарки ведут свою историю с эпохи Эдо и проводятся в течение нескольких дней во второй половине декабря; первая 17-19, вторая – 15-16 декабря.

Ярмарка в Асакуса 60-х годов прошлого века очень подробно описана Э. Гюмбером в книге "Живописная Япония" [22, с. 326-332]. По мнению Гюмбера, эта ярмарка служит чем-то вроде всеобщей выставки японского населения, его вкусов, промышленности и развлечений [22, с. 326]. На этой ярмарке предлагалось все: и товары, и увеселения. Заботливые хозяйки могли приобрести здесь соленья и сушеные овощи, маринованную рыбу, имбирь, разные приправы и сакэ всех сортов. И конечно же, ни одна хозяйка не пройдет мимо лангустов, которые являлись непременным атрибутом украшения новогоднего алтаря. Еще двумя веками раньше Ихара Сайкаку писал: "В предновогодние дни во всех рыбных лавках лангусты идут нарасхват, и достать их так же трудно, как какую-нибудь заморскую диковину" [39, с. 147]. Не обходят покупателей вниманием и мандарины дай-дай (сорт кислого мандарина), символизирующие благополучие и процветание.

На ярмарке можно обновить домашнюю утварь: купить маленькие бочонки с ручками для ношения припасов, ритуальные ведра для омовения в первый день Нового года, приспособления для провеивания риса, изделия из фарфора и глины. Ряды с домашней утварью сменяются лавками, где продается специальная бумага для написания новогодних поздравлений, тушь и кисти, свитки, гравюры, маски львов, драконов и различных других мифических чудовищ. Поистине впечатляет мир детской игрушки. Здесь и детская посуда, и мебель, и глиняные фигурки различных домашних животных. Из рядов, где торгуют всякой живностью, раздаются лай собак, мяуканье кошек, клекот голубей, крики фазанов. С ними перекликаются зазывающие на свои аттракционы акробаты, фокусники, дрессировщики. И каждый посетитель ярмарки, конечно же, не преминет отведать национальные кушанья, приготовленные тут же, на ярмарке, в переносных кухнях. Традиция таких кухонь восходит к далекому прошлому страны.

И в наши дни на этой ярмарке можно купить все традиционные товары, необходимые во время Нового года, а также массу ненужных вещей, которые приобретаются лишь потому, что все охвачено в эти дни азартом покупок.

Особый колорит ярмарке придают в наши дни хагоита – ракетки для новогодней игры в волан. Они появились на ярмарке еще в начале 20-х годов прошлого века. Постепенно рос их ассортимент, и сегодня он насчитывает более 50 видов. Обратная сторона ракеток украшена сценами из пьес театра Кабуки или портретами его актеров, и сотни таких хагоита, выставленных в несколько рядов, создают впечатление мозаичного красочного панно. Благодаря этому ярмарку сейчас нередко называют хагоита-ити [123, с. 33; 148, 15.12.1984]. Подобные ярмарки устраиваются и в других районах Токио, например 23-24 декабря в районе Минато, 25-26 декабря вблизи храма Киракава в районе Тиёда. А всего их насчитывается в городе шесть [115, с. 287].

Колорит старой ярмарки доносит до нас боро-ити в районе Сэтагая. Она повторяется и в январе в те же дни. Боро-ити насчитывает 400-летнюю историю. Тогда здесь торговали жители 20 деревень, расположенных на территории нынешнего района Сэтагая. Они продавали на ярмарке ненужные вещи, чтобы на вырученные деньги закупить все необходимое для встречи Нового года. Эта ярмарка получила название "веселой" благодаря царившему на ней оживлению. С конца XIX в. боро-ити несколько видоизменила свое назначение. Здесь стали продаваться товары не столько для Нового года, сколько для земледелия, например саженцы и рассада; иногда эту ярмарку даже называли "выставка-продажа саженцев" [115, с. 285].

Популярность ярмарки очень возросла в последние годы. Сейчас ее торговые ряды тянутся примерно на километр. Около 700 лавок тесно прижаты одна к другой [123, с. 87]. В них можно купить все необходимые повседневные товары. Но и по-прежнему то там, то здесь навалены груды всякого старья, так что свое название "боро-ити" она все еще оправдывает.

Крупнейшей предновогодней ярмаркой наших дней является также ярмарка в г. Одавара в Центральной Японии. Этот город известен как место исторической битвы 1590 г., практически завершившей создание централизованного государства в Японии; он был одной из 53 станций на

почтовом тракте между Токио и Осака-Токайдо. Как и на базарах прошлых веков, на этой ярмарке можно приобрести не только необходимые для Нового года товары, но и "купить" пожелания, надежды, мечты, судьбу. Японцы всех возрастов очень охотно приобретают здесь дарума, хамаюми и такара-бунэ.

Дарума – это игрушка, изображающая божество буддийского пантеона (жрец Дхарма), пришедшее в Японию из Индии через Китай и Корею. Она сделана из дерева или папье-маше. По форме напоминает яйцо, имеет только голову и туловище; на хмуром лице выделяются огромные белые глазницы. Размеры игрушки различны – от голубиноного яичка до огромного арбуза. И цена соответствующая – от 300 до 38 тыс. иен. Напоминает хорошо знакомую нам игрушку – неваляшку. О том, почему дарума имеет такую форму, рассказывает легенда. Дело в том, что дарума в течение девяти лет предавался медитации, сидя лицом к стене. Когда же он захотел встать, то оказалось, что ноги у него отсохли. Считается, что дарума приносит удачу, вселяя в человека, его приобретшего, уверенность и решимость – такие же качества проявило божество во время медитации. Он также символ стойкости: ведь как бы вы его ни наклоняли, все равно он поднимется. Кроме того, дарума может помочь исполнению желаний.

Дарума – изображение божества буддийского пантеона (жрец Дхарма), преобретшего широкую популярность в Японии. Непременный атрибут новогодних празднеств

Игрушка окрашена обычно в красный цвет, но вместо глаз, как мы уже говорили, оставляют белые пятна. Купив дарума, его счастливый обладатель загадывает желание и рисует один глаз, второй глаз подрисовывается в случае исполнения желания. Если же оно не сбудется, то дарума выбрасывают или сжигают в первый день следующего года на кострах во дворах некоторых храмов. Эта игрушка очень близка сердцу японца, ее покупают не только перед Новым годом, но и много позже, например в марте. Существуют специальные оптовые ярмарки по продаже дарума. Наиболее известные находятся около Токио, в г. Такасаки, где, например, в 1982 г. было продано 1300 тыс. штук, и в г. Кавагоэ. Отсюда их рассылают на обычные ярмарки, в том числе и в Одавара.

Хамаюми – затупленные стрелы с белым оперением, которые должны уберечь дом от бед и злых духов. Каждый стремится купить хамаюми, потому что их выпускают в год только 500 тыс. штук.

Такара-бунэ – корабли с рисом и другими сокровищами и с восседающими на палубе семью богами удачи, а также картинки с их изображением. Каждый из них символизировал что-нибудь положительное в человеческом характере. Дайкоку олицетворял удачливость, Збису – искренность, Бэнтэн – дружелюбие, Бисямонтэн – достоинство, Дзюродзин – долголетие, Хотэй – великодушие, Фукурокудзю – благожелательность. Такие кораблики размером до 18 см стоили в 1984 г. 700 иен, а отдельные фигурки богов удачи величиной 2–3 см – 250 иен. Одни покупают такого рода атрибуты Нового года, смеясь и веселясь от души, другие – отдавая дань традиции, третьи – искренне веря, что эта покупка поможет им в трудную минуту.

На ярмарке в г. Одавара в 1982 г. собственный корреспондент газеты "Правда" в Японии Ю. Вдовин сделал интересные наблюдения: пожилая японка в кимоно очень долго и придирчиво выбирала дарума, пробуя на вес, наклоняя набор, высматривая, быстро ли он поднимается и т. п. На вопрос веселого продавца – уж не дочку ли она собирается выдать замуж? – серьезно отвечала: "Хочу попросить дарума, чтобы жить стало полегче в будущем году". Японец, купивший сразу двух дарума; пояснил, что одного он поставит в конторе, а другого подарит сослуживцам в надежде, что в наступающем году фирма не прогорит. Другая женщина, зажав в руке пучок хамаюми, убеждала мужа купить еще и самого большого дарума. На его

возражение, что у них уже есть один, она отвечала: "Пусть будут два, лишь бы ты не потерял работу. Помни о детях. Может быть, новый год и будет лучше старого, как обещают газеты, но заручиться поддержкой богов нелишне" [138, 02.01.1982]. И такие разговоры можно слышать повсюду.

В современной Японии одновременно с традиционными японскими ярмарками происходят и рождественские распродажи. Они привлекательны тем, что по сравнительно низким ценам здесь можно купить разнообразные товары, да еще и в красивом обрамлении новогодней мишуры. Особенно они привлекательны для детей, которых завораживает мир новогодней сказки. И как дань традиции, повсюду в качестве украшений в витринах и в упаковке новогоднего товара можно видеть эмблему наступающего Нового года – изображение соответствующего животного.

Таким образом, все звенья современной торговли, начиная от огромных фешенебельных универмагов и кончая мелкими лавочками, объединенных в кварталы торговых рядов, по-прежнему навязывают обывателю свои "неповторимые" товары. Теперь в дело включена мощная индустрия рекламы, этого "смазочного масла" японской экономики. На ее службе – все средства коммерческой массовой информации. Телевидение, радио, декоративное оформление витрин, современные зазывалы, использующие как арсенал старых средств "зазывания", так и современную технику в виде мегафонов и микрофонов, – все нацелено на привлечение потребителя.

Этому способствует также существующая в настоящее время система заработной платы, при которой дважды в год – накануне Нового года и праздника Бон – рабочим и служащим, как правило, выплачиваются премиальные, так называемые "бонусы", составляющие обычно внушительную сумму порядка двух- или трехмесячных окладов.

Заботы на исходе года

На исходе года в городах и деревнях все от мала до велика спешат сделать необходимые приготовления к Новому году. А ведь сделать надо немало: убрать жилище, купить новую одежду и домашнюю утварь, приобрести заранее продукты для новогодних блюд, подготовить подарки для родственников, близких друзей и нужных людей, запастись украшениями для каждого дома и другими ритуальными предметами. И только тогда можно сказать, что и каждый человек, и каждая вещь готовы к этому знаменательному событию. Эта традиция восходит к далекому прошлому. "И в городе все спешат... Здесь пекут рисовые лепешки, там метелками из бамбуковых листьев обметают копать со стен. Звенит серебро и золото на чашках весов: перед концом года каждый торопится с обменом...

Среди уличного шума раздается:

- Меняю молитвенные таблички!..
- Дрова продаю!
- Кая!
- Очищенные каштаны!..
- Раки камакурские!..

Продавцы игрушечных луков вынесли на улицу свой товар. Снуют, "сбиваются с ног" прохожие в новых таби и сандалиях на кожаной подошве...

Да, и в старину так было, и теперь: если человек обзавелся хозяйством, то конец года для него – хлопотливое время" – так повествует о предновогодней суете большой знаток городской жизни XVII в. Ихара Сайтаку [37, с. 65-66].

Уборка дома в последние дни уходящего года имела не только бытовое назначение, но в значительной степени несла магическую нагрузку. Ведь на

Новый год, как и на любой другой праздник, о чем говорилось выше, дом должно посетить божество, в данном случае божество года тосигами. Кроме того, всегда считалось, что удача не склонна появляться в грязном, неприбранном доме.

Обычай производить генеральную уборку жилища (сусуха-рай, сусухаки, букв, "очистку от сажи и копоти") – очень древний. Название этой уборки восходит к тем временам, когда очаг в доме был открытым и в комнатах быстро накапливалось много копоти. А в предпраздничные дни все мыли, чистили, скоблили. "Во всех кварталах столицы жители оканчивали праздничные приготовления к новому году, – писал Э. Гюмбер, – Они вымыли и вычистили внутренность домов и поставили вверх дном все свое небольшое хозяйство. Тротуары были завалены циновками, ширмами, столами, бронзовой и фарфоровой посудой, которую хозяева спешили убирать по местам..." [22, с. 349–350]. В современных условиях вряд ли можно увидеть на улицах такие сценки, но в домах традиция сусухараи сохраняется.

Фрагмент ручной росписи бумажного змея – Цугару-дако, сделанного в районе Цугару

Новый год – один из немногих праздников, во время которых тщательно украшаются дома, как внутри, так и снаружи, специальным набором атрибутов. Главным среди них, пожалуй, является кадомацу. (букв, "сосна у входа" или "сосна у ворот"). Это украшение имеет ритуальный смысл и служит признаком того, что дом готов к приему божества. Устанавливается оно с 28 декабря и убирается обычно 7 января. Одни ученые относят этот обычай к IX в., другие – к XII в.

Название "кадомацу" появилось потому, что неизменным компонентом новогоднего украшения является сосна, будь то большое дерево или просто веточка. Все зависит от достатка дома. Вечнозеленая сосна символизирует силу, твердость, стойкость, долголетие, здоровье, радостную и счастливую жизнь. Издавна из смолы сосны делали настойку, так называемую мацудзакэ (сакэ из сосны), которая применялась как лекарство для снижения кровяного давления.

В старину чаще всего деревце сосны устанавливали у ворот или посередине двора. В эпоху Муромати (1392–1573) это всегда было только одно деревце. В эпоху Эдо их стало два. В крестьянских домах сосну ставили на площадке для сушки риса, которая находилась на месте, где обычно стоят ворота. В домах горожан деревца помещали по обе стороны входа, как делается и сейчас. Такой обычай, очевидно, связан с поверьем, что эти два дерева – символ японской божественной супружеской пары – Идзанаги и Идзанами, которые породили Японские острова и пантеон синтоистских богов.

Другой обязательной составной частью кадомацу является бамбук – символ стойкости, противостояния невзгодам жизни, а также стремительного процветания, ведь бамбук растет очень быстро (за ночь он может удлиниться на 12 см), а его даже тонкие побеги при сильном ветре не ломаются, а только гнутся. Стоящие по обе стороны входа сосна и бамбук соединяются соломенным жгутом – симэнава, который, согласно народным поверьям, ограждает от злых духов и несчастий. Обычно его делают из соломы только что убранный риса, и поэтому он сохраняет еще запах рисовых полей. Именно появление симэнава означает, что дом очищен от скверны и надежно защищен от "дурного глаза". Происхождение симэнава связано с уже упоминавшимся древним мифом о выманивании из пещеры богини Аматэрасу, которая спряталась туда, устав от безобразий своего брата Сусаноо, и погрузила мир в темноту. Когда, услышав звуки веселья, любопытная богиня глянула из пещеры, чтобы узнать, что же происходит, ее тут же вытащили, а вход моментально закрыли соломенным жгутом. С тех пор симэнава символизирует границу священной территории, будь то синтоистский храм,

дом, дерево, камень, скала. В деревнях раньше обычно огораживали симэнава весь дом. В городах этого сделать было нельзя, так как дома стоят очень тесно. Поэтому ограждали только вход [126, с. 26–28; 110, с. 324, 325, 334, 335].

В состав кадомацу могут входить также папоротник, означающий чистоту и плодородие, водоросли – счастье, мандарины дай-дай – благополучие и долголетие для всей семьи, креветка или рак – долголетие, веточка цветущей сливы или персика – стойкость, поскольку они расцветают в самое суровое время года, а также красоту. Все эти компоненты порознь или вместе соединяются с симэнава в единую композицию.

Традиция выставлять кадомацу очень живуча в японском народе. О ней слагали стихи поэты еще в XII в., о ней писал автор "Записок от скуки" Кэнко-хоси в XIV в., много страниц посвятил ей Ихара Сайкаку. Очень живо изобразил кадомацу Э. Гюмбер: "Перед дверьми некоторых домов, по обеим сторонам входа, воткнуты были сосновые или бамбуковые деревья, с верхушками, связанными между собою гирляндами из рисовой соломы, обвешанными красными лесными ягодами и апельсинами и перевитыми длинными лентами из золотой и серебряной бумаги. По стенам, по галереям и по крышам домов вились веревки с длинной соломенной бахромой с маленькими сосновыми ветками и листьями папоротника. Этого рода украшения виднелись повсюду, на лавочках, на тории, на городских воротах..." [22, с. 350].

В деревнях, конечно, все это было скромнее, но тем не менее запоминалось людям на всю жизнь. Катаяма Сэн, основатель Коммунистической партии Японии, вспоминал в конце жизни в своих мемуарах: "К празднованию Нового года крестьяне начинали готовиться задолго. Помню, как дядя брал меня в горы за папоротником сида, за ветками сакаки и сосны и за небольшими сосновыми деревцами. Эти сосенки ставили у входа деревенских домов в виде новогоднего украшения" [42а, с. 66–67].

И в наше время кадомацу в новогодние дни можно видеть повсюду. Это "небольшие ворота из трех бамбуковых палочек, к которым привязывают ветки сосны. В домах победнее перед входом просто прикрепляют сосновые ветки. Ну а те, кто побогаче, выставляют "кадомацу", состоящее из карликовой сосны, ростка бамбука и маленького цветущего деревца сливы или персика" [136, 1984, № 12, с. 48]. Как и раньше, это делается в надежде, что в дом придет счастье и благополучие, а беды обойдут его стороной.

В оформлении интерьера в квартирах или домах также много специфического, новогоднего. В частности, в качестве украшений используются любимые кушанья японцев моти – рисовые лепешки и данго – рисовые колобки, приготовленные в виде клецек. Для этого берут клейкий рис, распаривают его в горячей воде, а затем, пока он еще не остыл, толкут в ступе, превращая в вязкую, тестообразную массу. Из нее можно приготовить лепешки самой разнообразной формы. Моти всегда играли важную роль в новогодней обрядности. С древних времен такие лепешки различной формы использовались в качестве подношений богам, императору и всем, кто стоит выше дарящего на иерархической лестнице.

С давних пор существовал обычай украшать внутреннюю часть жилища букетами из ивовых или бамбуковых веток с подвешенными на них или насаженными моти в форме цветов, рыб, различных фруктов, коконов и зерен. Эти украшения носят названия мотибана (цветы моти) или маюдама (драгоценные коконы) в зависимости от формы [104, с. 546]. Мотибана раскрашены в желтый, зеленый, розовый цвет, что символизирует приход весны. Ветки устанавливаются на видном месте или свешиваются с потолка у входа. В домах, где по традиции сохраняются семейные синтоистские алтари (камидана), букеты с маюдама или мотибана часто ставят и около них. Все это делается для того, чтобы божество Нового года – тосигами, "входя в дом", тут же вспомнил бы о своей "обязанности" позаботиться о гостеприимных хозяевах в наступающем году. В старину это означало обеспечить им хороший урожай. Ведь рисовые лепешки в виде цветов изображают цветение риса, что должно было обернуться богатым урожаем.

Сейчас же обязанности тосигами значительно расширились, ибо раздвинулись рамки и производственной деятельности людей, и их желаний.

Моти снимали с веток 15 января, в дни "малого Нового года", обжаривали их и съедали с кашей из адзуки (красных бобов). Моти – пища высококалорийная, и поэтому считалось, что она придает человеку особые силы. Согласно поверью, каждый член семьи должен съесть столько мотибана или маюдама, сколько ему исполнялось лет в наступившем году [126, с. 48; 124, с. 2–3].

В ряде префектур для создания подобных букетов использовали данго. Обычно на каждую веточку насаживали по 12 колобков, которые соответствовали 12 месяцам. Таким образом, каждый колобок "отвечал" за благополучие в своем месяце. Поскольку данго на прутиках имитировали цветы, то, по мнению советских исследователей С. А. Арутюнова и Р. Ш. Джарылгасиновой, родилась поговорка "хана ёри данго" ("лучше данго, чем цветы"), иногда переводимая на русский язык как "соловья баснями не кормят", но имеющая, возможно, и другой смысл, связанный с продуцирующей магией данго в новогоднем обряде [42, с. 246].

Еще одним украшением из моти являются кагами-моти (зеркальные моти), названные так потому, что они круглые и гладкие, как старинные японские металлические зеркала. Широкое распространение они получили в период Муромати, когда в жилищах начали устраивать токонома (ниши в стене с приподнятым полом) – красный угол японского дома. Украшение токонома – одна из главных забот хозяев. В Новый год его украшают главным образом кагами-моти. Считается, что они являются как вместилищем человеческой души (поскольку зеркало отражает образ человека), так и воплощением божественного духа (так как зеркало – одна из трех священных регалий японцев).

Из кагами-моти создаются различные композиции, чаще всего пирамиды, перевязанные симэнава. Считается, что, чем больше число моти, тем сердечнее поздравление и вероятнее исполнение пожеланий. В композицию входят также сушеные хурма, краб, морской язык и т. п. Кагами-моти – одна из разновидностей новогодних подношений божеству (о-сонаэ), имеющих сакральный смысл. Их магическая функция заключается в обеспечении долголетия, счастья и процветания тем, кто сделал такие подношения. Их кладут на мешки с семенным рисом, чтобы обеспечить хороший урожай, помещают на крыльце дома, на кухне, в ванной, раскладывают на столах в комнатах, на рабочих местах, в мастерских и т. д. [110, с. 325]. У японцев, живущих в Северной Японии, среди подношений богам кроме симэнава и кагами-моти нередко можно видеть на домашнем алтаре и киригами. Это вырезанная из бумаги картинка корабля сокровищ – такара-бунэ с семью богами удачи на борту и с иероглифом счастья над ними. Обычно такие картинки вырезались кем-нибудь из членов семьи, так как считалось, что их магическое свойство будет сильнее, если сделать их своими руками.

Одна из форм бумажных змеев

До сих пор большое место в новогоднем убранстве домов отводится разного рода симэкадзари – украшениям, непременной деталью которых является симэнава. Поэтому они имеют магический охранный смысл. К соломенному жгуту подвешивают или вплетают в него полоски бумаги, пучки соломки, мандарины, сушеные овощи, фрукты, рыбу, каракатицу, водоросли и т. п. [110, с. 324]. Все эти вещи несут определенную магическую нагрузку.

Под Новый год люди не только убирают жилища и украшают их, но и приводят в порядок себя и свою одежду. Этот обычай также уходит в далекое прошлое. Когда-то считалось, что с божеством надо встречаться после того, как ты принял фуру (японская ванна) и надел праздничное кимоно. Поэтому перед Новым годом все, кто в состоянии, покупают себе новую одежду, кто

же победнее — приводит в порядок старую. Речь идет прежде всего о национальной японской одежде — кимоно. Именно на Новый год в современной Японии можно видеть множество детей, женщин и мужчин, облаченных в красочную праздничную одежду, которая очень редко мелькает теперь в будние дни.

Предметом предновогодних забот является также приобретение подарков для членов семьи, родственников и знакомых, а также написание поздравительных открыток тем из них, с кем расстояние не позволяет встретиться на праздник. Традиция преподнесения подарков в дни Нового года — очень давняя. О ней упоминается еще в древних японских хрониках. Существует особое понятие "о-сэйбо" — подарки в конце года, которыми вышестоящие одаривают нижестоящих. В старину феодалы, например, давали своим вассалам даже праздничные кимоно, а сейчас это, как правило, мелкие сувениры. Имеется еще одно название для подарков к Новому году — "тосидама" (сокровища года).

В старину подношение подарков в Новый год носило сакральный характер. Считалось, что с подарком в дом войдет "дух" Нового года. Поэтому в качестве тосидама в некоторых районах Японии преподносили ритуальные моти. В XVII-XVIII вв. в качестве тосидама дарили веера. Поэтому в последний день года повсюду можно было слышать голоса торговцев: "Покупайте веера" [116, с. 460; 126, с. 33-34]. Эту традицию застал Гюмбер в 60-х годах прошлого века. По его свидетельству, обычно дарили три или четыре веера, помещенные в лакированный ящичек, который был перевязан шелковым шнурком [22, с. 293]. Был также обычай дарить полотенца. Иногда в него заворачивали какой-нибудь подарок. Бывало и так, что этот подарок в полотенце преподносили на веере.

Как свидетельствуют советские этнографы Р. Ш. Джарылгасинова и М. В. Крюков, родители часто в качестве тосидама дарили раньше детям монетку любого достоинства, положенную в специальную бумагу, сложенную конвертиком. Позднее это был просто пустой конвертик. Подарок стал чисто символическим пожеланием богатства и благополучия детям [42, с. 157]. Очень часто новогодними подарками служили вещи, сделанные своими руками.

Сейчас же японцы, люди весьма практичные, делают подарки, имеющие, как правило, функциональное назначение. Этому во многом помогает вездесущая реклама, которая расхваливает все подряд. "Так, например, вам могут подарить на Новый год коробочку с мылом, пачку белого или розового сахара, несколько консервных банок, бутылку подсолнечного масла, комплект зимнего белья, полдюжины носков, набор кухонной утвари и многое, многое другое, и все это в великолепной упаковке. Декоративный бант и каллиграфически написанные имена того, кто дарит, и того, кому дарят, играют немаловажную роль, придавая самой прозаичной вещи торжественный вид" [8, с. 30].

В предновогодние дни почта работает с большой нагрузкой, рассылаются миллионы новогодних поздравительных открыток — нэнгадзё. На них, как правило, изображен символ наступающего года — один из 12 знаков восточного зодиака. Кроме того, сюжетами новогодних открыток бывают храмы, замки и другие исторические достопримечательности, зимние и весенние пейзажи. Хотя на большинстве открыток в настоящее время поздравительный текст отпечатан типографским способом (одновременно с поздравлениями к Рождеству), многие из японцев дополнительно пишут собственные поздравительные слова на старый манер — кисточкой и тушью. Это служит знаком особого уважения к тому, кому предназначено послание.

В Японии существует давняя традиция создания новогодних открыток в технике гравюры, так называемой гравюры малых форм. Это, например, карточки суримоно (букв, "что-то нарисованное"). Суримоно создаются также по поводу свадеб, юбилеев и прочих торжеств. Отпечатаны они обычно на плотной хорошей бумаге или на васи (японская бумага, сделанная ручным способом), присыпаны перламутром, золотым и серебряным порошком. В этом жанре работали известные японские графики XVIII-XIX вв. Сюнман, Хокусаи, Хоккэй и др. [91, с. 10]. И в наши дни известные профессиональные мастера

гравюры Сайто, Китаока, Уэно (см. [48]) плодотворно работают над созданием новогодних открыток. Поздравления на суримоно посылаются в специальных конвертах. В выставках-конкурсах новогодних открыток, которые проводятся в конце года, наряду с профессионалами принимают участие художники-любители и дети. Создание новогодних открыток – один из любимых видов детского творчества.

Используя давнюю традицию рассылки новогодних поздравлений, министерство связи стало проводить с начала 50-х годов лотереи с новогодними открытками. Каждая из них имеет свой номер. В середине января публикуются таблицы с выигрышными номерами. В виде главных премий в 50-е годы предлагалась шерстяная одежда и детские перчатки, в 60-е годы – швейные машины и велосипеды, а в 80-е – электропечи и фотокамеры – поляроид, что резко увеличило продажу новогодних открыток.

Вечером последнего дня старого года вся семья по традиции собирается вместе, чтобы совершить последнюю в году трапезу, проводить старый год. В этот вечер принято есть соба – длинную тонкую лапшу из гречишной муки, что символизирует возможность сохранения благополучия в доме так же долго, как тянется соба. По этой же причине считается, что тот, кто ест соба, проживет долго. В старину у торговцев омисока был самым хлопотливым днем, и не оставалось времени, чтобы самим сделать соба, и они покупали ее в специальных лавках.

В некоторых местах в последний вечер старого года в синтоистских храмах совершаются специальные церемонии – праздник огня. Например, в известном храме Ицукусима на о-ве Миядзима такой праздник представляет собой весьма красочное зрелище. Поздно вечером из храма выходят два священно-служителя; они идут рядом, скрестив верхушки зажженных факелов. Эти факелы достигают примерно метровой высоты и сделаны из завернутых в лыко и обвязанных соломенными веревками дощечек. От факелов зажигают огромный костер во дворе храма. Все участники церемонии зажигают от этого костра свои маленькие факелы. Молодежь и особенно детвора прыгают через костер, выхватывают из него поленья и носятся с ними по площадке перед храмом. Затем зажигают огромные факелы размером с телеграфный столб. Их берут на плечи несколько десятков человек. Они весело бегут с ними по близлежащим улицам, и их стайками окружают дети со своими маленькими факелами. Создается впечатление, что огонь повсюду. Потом горячие столбы ставят вертикально, и вокруг них организуют что-то вроде хоровода. Так завершается омисока.

Но для многих суэта предстоящего праздника омрачается необходимостью возвращения долгов. В Японии бытует традиция в конце года выплачивать долги. Этот обычай подметил и Э. Гюмбер: "30 число последнего месяца есть роковое число срочных платежей. Хозяева ремесленных заведений, лавочники, семейные люди, вообще все, занимающиеся денежными делами, спешат свести счета и окончить свои дела, чтобы, по общепринятому в Японии правилу, долги не перешли неуплаченными на новый год" [22, с. 351]. Кто сумеет соблюсти данный обычай и освободиться от долгов, тот радостно готовится к Новому году. Для других же долги иногда становятся неразрешимой проблемой. Ихара Сайкаку писал: "Сегодня – последний день выплаты накопившихся за год долгов. Так стоит ли удивляться, что людям сейчас не до проповеди..." [39, с. 206].

И в современной Японии, которая так гордится (и часто заслуженно) своими успехами, немало людей, которым тоже не до "проповедей". У них нет возможности не только выплатить долги, им даже негде ночевать, и в новогоднюю ночь, "дождавшись окончания работы метро, усталые и отрешенные от жизни, "лишние" люди расстлали на каменном полу станции куски картона, закуривались в газеты и, став похожими на египетские мумии, засыпали до утра" [138, 02.01.1982]. И таким людям, конечно, не до праздника. Это одно из проявлений классовой сущности общества. Ведь именно во время праздника особенно ярко выявляется подлинное положение человека в обществе, наиболее наглядно выступают его успехи и неудачи, отражая социальную несправедливость буржуазного общества. Обездоленность,

нарушение привычных социальных связей наиболее остро ощущаются также в период торжеств. Страдают не только те, которые оказались волею судеб вне общества, но и не имеющие возможности соблюсти все необходимые праздничные традиции.

Например, в середине 70-х годов группа молодежи, приехавшая из деревни на заработки в Токио, не могла вернуться к своим семьям в дни Нового года, как это было принято, так как не имела для этого денежных средств. Вырванные из привычных социальных условий, эти люди чувствовали себя в праздничные дни особенно одинокими и неприкаянными в большом городе. Преодолеть душевный надлом в дни праздника помогли им члены местной партийной организации КПЯ. Они сумели создать приехавшим ощущение теплой домашней обстановки, вернув им чувство принадлежности к определенному коллективу и оказав помощь в соблюдении всех новогодних ритуалов.

108 ударов колокола

О приходе Нового года вот уже более тысячи лет возвещают 108 ударов колоколов (дзёя-но канэ), доносящихся в полночь из храмов. Согласно буддийским верованиям, человека обременяют 108 забот. Считается, что последний удар колокола означает, что неприятности остались в прошлом, а в новом году всех ждет новая и, конечно, счастливая жизнь. Услышав этот колокольный звон, каждый японец чувствует, что действительно наступил Новый год.

Согласно поверью, счастье придет наверняка, если встретить восход солнца в первый день Нового года. Поэтому многие, прослушав удары колокола, тут же ложатся спать, чтобы хоть немного отдохнуть перед рассветом и насыщенным разными церемониями гандзицу. Раньше, когда Япония была одноэтажной, восход солнца можно легко было увидеть из собственного сада. Однако и тогда многие ходили к морю или в горы и ждали появления первого луча солнца, чтобы совершить синтоистский ритуал касивадэ (хлопать в ладоши перед собой). Сейчас в крупных городах не так-то просто увидеть рассвет, но люди по старинке все же встают затемно, а молодежь подчас заранее отправляется в горы, чтобы повеселиться и заодно отдать дань традиции.

С наступлением Нового года начинается паломничество в храмы – первое в новом году (хацумодэ, или хацумаири). Хацумодэ так же, как и дзёя-но канэ, передается по телевидению. Одни предпочитают посещать такие известные в стране святилища, как Исэ или Мэйдзи. Другие идут в местные, близлежащие храмы, как синтоистские, так и буддийские. "Это ночное шествие, – писал Г. Е. Светлов, наблюдавший его, – представляет собой весьма впечатляющее зрелище. Люди движутся сплошным потоком по слабо освещенным аллеям, ведущим к центру храмового комплекса. Перед его главным строением временно сооружается невысокий барьер, пространство между ним и храмом покрывается большими полотнищами белой материи. Сюда устремляется толпа. Уже несколько часов спустя после начала хацумодэ белые полотнища оказываются покрытыми толстым слоем монет, которые бросают участники церемонии. Среди них можно увидеть и бумажные купюры, подчас крупного достоинства. Пробившись поближе к барьеру и бросив – чаще всего через головы стоящих впереди – горсть монет, человек дважды хлопает в ладоши, чтобы привлечь внимание божества, и на несколько секунд замирает в молитвенной позе со сложенными ладонями и закрытыми глазами. Изложив свои просьбы божеству, участник хацумодэ направляется к одному из многочисленных киосков, в которых продаются разного рода амулеты – эта

(деревянные таблички, на которых верующие пишут обращение к божеству. — Авт.), омикудзи (бумажные полоски с предсказаниями судьбы — Авт.) и т. п. Никто не уходит с пустыми руками, и деньги рекой текут в карманы служителей культа" [97, с. 241].

В некоторых местных храмах в эту новогоднюю ночь проводятся свои специфические новогодние обряды. Например, в храме Омива (преф. Нара) совершается церемония очищения огнем. Суть ее состоит в том, что присутствующие в храме получают от священнослужителей небольшие факелы (это может быть просто кусок зажженной веревки), которые они несут домой, чтобы зажечь первый огонь в Новом году. На этом огне готовят новогоднюю еду. Считается, что исполнение такой церемонии делает год благоприятным.

Вернувшись домой, люди приступают к совершению различных праздничных ритуалов. Еще в конце прошлого века широко бытовал обряд вакамидзу (букв, "молодая вода"). Воду из реки, колодца или родника приносили в дом, соблюдая определенный церемониал и произнося специальные заклинания, например, "фуку куму, току куму, ёродзу но такара има дзо кумито-ру" ("черпаем счастье, черпаем добродетель, заберем сейчас все богатство") [110, с. 326]. Специальное деревянное ведерко для этой воды и черпак с длинной ручкой украшались симэкад-зари. Считалось, что эта вода имеет целебные свойства, поэтому ею умывались все члены семьи, из нее готовили специальный новогодний чай — "чай счастья" (фукутя), который приправляли маринованной сливой (умэбоси), черными бобами и пр., и особую новогоднюю еду одзони — похлебку из бобов с овощами, грибами, кусочками рыбы, креветок или цыпленка с добавлением моти.

Хагоита — ракетки для игры в волан

Вот как вспоминает проведение этого ритуала во времена своего детства Катаяма Сэн. "В первый день вся наша семья вставала еще до рассвета. Прадед с величественным видом отправлялся зачерпнуть "молодой водицы". Мы с братом сопровождали его. По старинному календарю каждый Новый год устанавливалось акэгата (букв, "рассвет", в данном случае — "счастлирое направление для выполнения первой работы в новом году". — Авт.), и идти за "молодой водицей" следовало именно в этом направлении. "Молодую водицу" использовали в первый день нового года для всяких надобностей: для умывания, для чая и т. д..В кухне, служившей одновременно столовой, устанавливали большой стол (сампо), покрытый двумя ветками папоротника, поверх расстилали белую бумагу и ставили угощение: вяленую хурму, каштаны, японские кислые мандарины (дай-дай), морскую капусту, вареные сладкие черные бобы. Все рассаживались вокруг сампо, пили чай, получали фрукты, и в это время впервые обменивались новогодними приветствиями. В заключение ели одзони" [42а, с. 67].

И в наше время этот обычай, хотя и в несколько трансформированном виде, сохраняется в ряде мест. В Киото, например, с трех часов утра желающие приходят за "молодой водой" в храм Хюга дзиндзя. У источника, который находится перед главным зданием храма, проводится церемония доставания вакамидзу, которая называется "вакамидзусай" ("праздник молодой воды").

Умывшись и облачившись в новые или обновленные одежды, члены семьи усаживаются за первую в новом году трапезу. Перед завтраком полагается выпить о-тосо, или тосо — церемониальный напиток. В некоторых районах страны полагалось до этого съесть ритуальные моти. Слово "тосо" означает "разрушение злых чар (то) и подъем человеческого духа (со)". Этот напиток изготавливался из сакэ, настоянного на различных растениях: багряннике стручковом, или коричном дереве, красных бобах, кикё (бледно-зеленое

растение высотой в 70 см с крупными темно-синими цветами шириной до 8 см) и пр. Набор растений составлялся по рецепту китайской медицины. Кусочки растений клали в красный шелковый мешочек, который в последний день года в час кабана (с 10 до 12 часов вечера) погружали в колодец, а затем в день Нового года в час тигра (4-6 часов утра) вытаскивали и опускали в сакэ. О-тосо, который по традиции пьют в наши дни, покупают в магазине.

В древности тосо использовали как лекарство. Обычай пить тосо в первый день Нового года как ритуальный напиток появился в Японии в эпоху Хэйан, а с периода Эдо его качали употреблять только в Новый год. Сначала эта церемония совершалась при дворе, затем широко распространилась и среди простого народа. Согласно поверьям, вкусивший о-тосо в Новый год будет всегда здоров. Таким образом, о-тосо имел как практическое (лекарственное), так и магическое значение.

Обычно тосо преподносит хозяин дома каждому члену семьи, начиная с самого младшего. При этом он кланяется и произносит слова поздравления с Новым годом. Поскольку сейчас этот напиток пьют и дети и женщины, то для приготовления тосо используют сладкое сакэ (мирин) [115, с. 6; 126, с. 30].

Отведав о-тосо, семья приступает к первому завтраку в новом году, который по традиции начинается с супа одзони. Независимо от имущественного положения семьи, обязательный набор кушаний такого завтрака одинаков у всех. Разница состоит лишь в том, что чем богаче семья, тем обильнее порции и разнообразнее деликатесы.

Вот как описывает такой завтрак известный советский этнограф С. А. Арутюнов: "В этот праздник после рисовой водки и супа "одзони" гостям подается "дзюдзумэ" – набор блюд в четырех, наставляемых один на другой судках – ящичках "дзю-бако". В верхнем ящичке находятся "кутитори" – закуски для аппетита, во втором – "якимоно" – жареные блюда, в третьем – "нимоно" – вареные блюда и в четвертом – "суномоно" – кислые закуски и маринады (с уксусом). В "кутитори" помимо овощных закусок входит много рыбных: свежая селёдочная икра, нарезанная кусочками и политая соусом; сушеные сардины, слегка прокаленные на сковороде и смоченные густым сиропообразным соусом из вареной смеси сахара и "сёю", и др. В "суномоно" входят свежие овощи, вымоченные в уксусе, и небольшие рыбки разных пород, слабо маринованные. Икра рыбы "тай" идет на вареные блюда: она слегка проваривается в "даси" (бульоне. – Авт.) вместе с овощами – горошком в стручках или цветной капустой" [4, с. 137].

Среди новогодних блюд большой популярностью пользуются мелко нашинкованная белая редька и красная морковь в маринаде-намасу. Издавна в стране белый и красный цвета считались священными. Вареные сладкие черные соевые бобы (кумамэ), символизирующие здоровье и силу, пюре из бобов, сладкого картофеля и каштанов (кinton), очищенные сушеные каштаны (катигури – "каштаны победы"), фарш из рыбы (камабако), маринованная маленькая рыбка кохада, засахаренные кусочки морской капусты (комбу) – символ счастья и, конечно же, селёдочная икра (кадзу-но ко) – пожелание многодетности.

Новогодний стол каждого японца не обходится без моти, которые являются не только ритуальной, но и любимой едой. В моти добавляются сахар, и получается излюбленное лакомство японцев. В ряде районов страны наряду с моти популярностью пользуется таро (разновидность картофеля), который, так же как и моти, используется и в качестве подношения богам.

Все необходимые для Нового года кушанья готовятся 30 и 31 декабря и хранятся в черных или красных лакированных ящичках. Такой обычай существовал с древности, он освобождал женщину в праздничные дни от ее повседневных домашних обязанностей. Сейчас в Японии с 31 декабря по 3 января закрыты все магазины, так что хозяйки свободны от хождения за покупками.

В первый день Нового года повсюду царит праздничная оживленная дружественная атмосфера. Со всех сторон слышатся слова поздравления, обращенные к знакомым и к незнакомым людям. Во второй половине первого

дня Нового года люди отправляются с визитами к родственникам (с некоторыми из которых встречаются только в этот день), к друзьям, сослуживцам и тем, кто оказал семье какие-либо услуги в прошедшем году. Иногда такой визит сводится к оставлению своей визитной карточки на подносе, специально для этого выставленном.

По установившейся традиции младшие служащие государственных учреждений и частных компаний поздравляют вышестоящих по званию и положению работников, совсем так, как это предписывалось еще кодексом "Тайхорё". Статья 18 "Правила этикета" закона XVIII данного кодекса вменяла в обязанности чиновникам поздравлять вышестоящих начальников в первый день Нового года [76, с. 42].

Новый год, как и всякий праздник, наполнен различными играми и развлечениями. До сих пор, например, широко распространена игра утагарута (карты со стихами). Это оригинальная игра на знание древней японской поэзии. В ней используется сборник ста стихотворений великих поэтов, живших во второй половине VII – первой половине XIII в. Они были отобраны поэтом Садаэ Фудзивара (XIII в.). Сборник носит название "Хякунин иссю" (букв. "По одному от ста человек"). Он очень популярен и в настоящее время. В утагарута каждое стихотворение делится на две части и располагается на двух красочно оформленных картах. Есть несколько способов игры. В одном случае ведущий держит в руках карту, на которых написаны начальные строки стихотворений. Карты со второй половиной стихов рассыпаны на столе или татами (циновка из рисовой соломы, которой устилается пол в японских домах) перед играющими. Как только ведущий начинает читать текст, они должны как можно быстрее отыскать его продолжение. Знатоки игры находят стихотворение уже по первым словам. Победителем считается тот, кто быстрее всех соберет наибольшее количество карт.

В другом случае играющие разбиваются на группы. Каждая получает по 25 карт со второй половиной стихов. На этот раз члены групп стараются избавиться от имеющихся у них карт. Если одна группа недостаточно быстро находит необходимую карту, то любые другие игроки могут ее забрать и вместо этого дать две свои. Проигрывает тот, кто остается с лишними картами. Имеется еще более сложный способ игры с козырями. Утагарута – игра веселая, шумная, но требует больших знаний, хорошей памяти и, конечно, практики. Наиболее популярна она среди женщин [126, с. 36; 37; 11, с. 153–155].

В Новый год нередко также играют в сугороку – игру в кости с передвижными фишками. Эта настольная игра представляет собой доску, на которой изображен маршрут с указанием препятствий и знаков, облегчающих их преодоление. Бросая кости, играющий передвигает фишку по клеточкам поля согласно числу очков. Выигрывает тот, кто быстрее достигнет самой верхней или самой нижней клетки поля в соответствии с рисунком. Игра имеет давнюю и запутанную историю. Считается, что она пришла с континента еще в VI в. В то время это была весьма азартная игра, и поэтому ее неоднократно запрещали, о чем упоминалось еще в "Нихон сёки". Ею увлекались герои "Гэндзи моногатари", "Макура-но сеси", о ней слагались песни, помещенные в "Манъёсю". И все это, несмотря на запреты. С течением времени игра теряет свою азартность и, постепенно приобретая познавательный характер, превращается в игру для детей. Считают, что это превращение произошло примерно в период Эдо. Появляются сугороку на разные темы. Так, были сугороку, играя в которые можно было выучить 53 станции Токайдо или получить сведения о различных других почтовых трактах. Встречаются сугороку, дающие знания по сельскому хозяйству, например о сельскохозяйственных орудиях или земледельческих культурах [116, с. 340; 110, с. 295].

В Новый год юноши любят, как и прежде, запускать бумажных змеев. История создания бумажных змеев уходит в далекое прошлое. Еще во II веке до н. э. в Китае их использовали для разведывательных операций во время войн. В Японии они применялись не только для разведки, но и для

объявления о начале и об окончании войны. Во время военных действий их набрасывали на замковые башни противника и, цепляясь за них, поднимались на крышу и проникали внутрь.

С периода Эдо бумажные змеи нашли и мирное применение. Их использовали, в частности, в качестве лесов при ремонте крыши храма Каннон в районе Асакуса в Токио: храм был слишком высок и имеющиеся Лестницы не доставали до его верха. Торговцы запускали змеев для рекламы своих товаров. Для детей самураев запуск змеев был любимым видом спорта. В праздничной обрядности змеи начали использоваться примерно с середины XVI в.

В старину бумажных змеев называли сириси, что является дословным переводом. Но в народе бытовало название тако (осьминог) или ика (каракатица), поскольку змеи по форме напоминали этих морских животных. И до сих пор в районе Канто бумажных змеев называют тако, а в районе Осака – Киото – ика. Постепенно первое название стало более распространенным. Обряд запуска бумажного змея настолько глубоко вошел в жизнь японцев, что они придумали для обозначения этого понятия свой собственный иероглиф, который читается "тако", и запуск бумажных змеев получил название "тако-агэ" (агэру – поднимать).

Змеи сейчас делаются различной формы (круглые, многогранные, треугольные и т. п.) и размеров, с разнообразными украшениями. В частности, на бумаге, наклеенной на бамбуковую раму, наносятся красочные изображения различных героев. Весьма популярны бумажные змеи, сделанные в районе Цугару (Северная Япония); их раскраска – ручной работы. Они называются "цугару-дако". Интересны также магодзи-дако, названные по имени их создателя. Еще в начале века мастер Такэути из местечка Магодзи (г. Мэйдзи на о-ве Кюсю) делал для своих близких бумажных змеев, по форме и раскраске напоминающих цикад[3]. Они полюбились жителям города, и их производство стало семейным ремеслом. Сейчас три человека делают в год до 2 тыс. магодзи-дако.

До сих пор популярными являются соревнования воздушных змеев, в которых участвуют как дети, так и взрослые. В воздухе разыгрываются настоящие баталии, возможно являющиеся отзвуком былой военной славы бумажных змеев. Во время состязаний каждый старается, чтобы воздушный змей соперника как можно быстрее опустился на землю. Для этого или запутывают стропы своего змея с соседним и тянут его вниз, или же прикрепляют к веревкам своего змея какие-нибудь острые предметы (например, битое стекло) и пытаются с их помощью перерезать стропы змея противника [116, с. 392; 126, с. 40-41].

В то время как мальчишки заняты бумажными змеями, девочки играют в волан (ханэцуки). Эта игра напоминает известный нам бадминтон, так как в ней используются ракетки и разноцветные воланы с оперением. Участники ханэцуки, встав в круг, отбивают волан, стараясь его не уронить. Если это не удастся, то проигравшему в виде наказания могут измазать лицо чернилами или осыпать пудрой. Это очень шумная и веселая забава.

О происхождении ханэцуки существует несколько версий. По одной из них, дошедшей из Китая, волан ассоциировался с москитом и удар ракеткой по волану в Новом году означал, что летом москитов не будет. По другой версии, эта игра появилась потому, что в Новый год много едят и надо потом немного поразмяться, чтобы целый год быть здоровым и сильным. Таким образом, прослеживается функциональная и магическая нагрузка в этой игре: обеспечение хорошего урожая, поскольку не будет вредных насекомых, и здоровья людей.

Ракетки для игры ханэцуки когда-то были очень простыми, но с периода Эдо появились богато декорированные хагоита, которые использовали для украшения интерьера, в качестве дорогого подарка и т. д. Обычный размер используемой во время игры ракетки – 50 см, а сувенирные бывают от 18 до 200 см. Эти ракетки прекрасно описаны в книге "Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии": "Трапециевидной формы ракетка и ее ручка вырезались из одного куска светлого дерева; та сторона, которой

подбрасывали маленький шарик, только расписывалась, а на обратной стороне из разноцветных шелковых тканей и бумаги, из окрашенных нитей и шнурков, из изящных бумажных цветов, папье-маше и картона создавались поясные портреты и целые картины" [42, с. 142-143].

Исстари существует поверье, что сон, увиденный в первую ночь в новом году, т. е. на 2 января, может предопределить судьбу человека на весь год. Он называется хацуюмэ – первый сон. Есть еще несколько ночей, сон во время которых также называют хацуюмэ. Это последняя ночь старого года, ночь со 2 на 3 января и ночь в праздник Сэцубун. Считается, что если в ночь на 2 января приснятся человеку гора Фудзи, сокол или баклажан, то ему будет сопутствовать удача. Существует даже поговорка "первое – фудзи, второе – сокол, третье – баклажан" ("ити фудзи, ни така, сан насуби").

Происхождение ее точно неизвестно. Имеется несколько версий, большинство из которых связано с посещением сегуном Токугава Иэясу (основателем третьего сёгуната в истории Японии) провинции Суруга. Однажды, гласит одна из версий, прибыв в Суруга, Иэясу удивился, что баклажаны здесь такие дорогие. Поскольку "дорогой" и "высокий" по-японски обозначаются одним и тем же словом "такай", то поговорка звучала следующим образом: "Наиболее высокая гора в Японии – Фудзи, на втором месте – гора Аситака (в название которой входит слово "сокол" – така), на третьем месте – баклажаны". По другой версии, по прибытии в Суруга Токугава Иэясу был поражен обилием баклажанов на равнине Такано (и здесь в название входит слово "сокол") на фоне величавой горы Фудзи. По третьей, это просто три достопримечательности провинции Суруга [102, с. 24].

Счастливым приметой считается увидеть во сне восход солнца или попутешествовать по морю. Обычно никто не хочет видеть во сне змею, но в новогоднюю ночь змея означает получение-богатства точно так же, как сон о мече или ножах; лунный свет сулит удачу и даже славу; землетрясение говорит о возможной перемене местожительства; а снег – непременно о счастье; лед во сне означает женитьбу или замужество. В эту ночь лучше не видеть во сне дождь, потому что он "прольет" на вас неприятности. Но больше всего хотят увидеть такара-бунэ. На картинке с изображением корабля с семью богами удачи по обеим сторонам рисунка написан стих-перевертыш: "Как приятен звук лодки, качающейся на волнах, когда вы проснулись после глубокого сна!" Эти слова надо было повторить трижды перед сном, как заклинание, чтобы приснился один из счастливых снов, а картинку или игрушечный кораблик положить под подушку.

Обряды сёгацу

В старину на Новый год люди отдыхали три дня и только на четвертый приступали к работе. Однако уже и в те времена некоторые нарушали этот обычай, считая, что чем раньше начнешь трудиться, тем больше получишь дохода (своеобразный вариант русской поговорки: "Кто рано встает, тому бог подает"). В наш деловой век уже почти все начинают работать со второго дня Нового года, тем более что официальный нерабочий день – только 1 января. Но когда бы люди ни приступили работать, 4-го ли, 5-го ли или позже, все равно новогодние дни, новогоднее настроение чувствуется, как правило, в течение одной-двух недель. Продолжаются новогодние вечеринки, игры в волан и запуск змеев, поздравления, обмен подарками, сохраняются новогодние украшения жилищ, еще не съедена ритуальная пища. Этот период называется мацу-но ути или симэно ути, что означает "пока стоят сосны" или "пока висят симэнава". В одних местах он

длится с 1 по 7 января, в других, например в районе Осака-Киото, до 15 января, а в некоторых и еще дольше. Эти дни и сегодня наполнены различными новогодними ритуалами, празднествами, соревнованиями, храмовой обрядностью.

Все, что делается начиная со 2 января, называется котохад-зимэ – впервые сделанное. Это относится практически ко всему: к первой песне, первому танцу, первому письму, первому сочиненному стихотворению. Согласно поверьям, если, в первые дни Нового года что-то сделаешь хорошо, то и весь год будет удачным. Эта традиция жива до сих пор.

Бамбуковые грабли кумадэ – амулет на счастье

В Японии существует интересный обычай отправлять на продажу так называемые первые товары (хацуни) и начинать торговлю (хацуурн) в наступившем году на второй день Нового года. Товары везут в магазины или на рынки на различных видах транспорта. "Делается это торжественно, автомобили украшены бантами, шарами, цветами и большими плакатами с названием фирмы. Над трамваями, автобусами, поездами вьются государственные флажки, а у таксистов на радиаторе машины как символ счастья прикреплен небольшая симэнава [8, с. 305, 307]. Торговцы тоже одеты по-праздничному. По случаю Нового года хацуни иногда продаются по повышенным ценам, что ни у кого не вызывает удивления, хотя в мировой торговой практике таких примеров нет. Поскольку торговцы хотят продать побольше, то они предлагают в этот день наиболее качественные товары, которые готовят заблаговременно, а покупатели довольны тем, что могут их приобрести. И те и другие, как считает Хигути Киёюки, в определенной мере остаются в выгоде [126, с. 44]. Но это, конечно, может быть выгодно только тем, у кого есть свободные деньги.

2 января по традиции покупатели совершают первую покупку – хацубаи. В ряде районов обычно покупают трепангов, по форме напоминающих мешки с рисом, в других – мешочки с солью, что является счастливой приметой благополучного года.

В XVII в. возник обычай поклоняться богам удачи и торговли. "В первый день Нового года, чуть забрезжит рассвет, улицы оглашаются выкриками торговцев картинками с изображением бога Дайкоку, сидящего на мешке с сокровищами: "Покупайте мешки со счастьем, не проходите мимо своего счастья!" На рассвете второго дня раздаются голоса: "Эбису, кому Эбису!" А на третье утро Нового года торгуют картинками, изображающими бога сокровищ Бисямона: "Кто еще не купил Бисямона, подходите скорее!" Так три утра подряд зазывают покупателей продавцы богов счастья", – писал Ихара Сайкаку [39, с. 186].

Наибольшей популярностью пользуется бог Эбису, в прошлом покровитель рыбаков и торговцев, а ныне всех бизнесменов. Он изображается в виде тучного человека, держащего в руках рыболовные принадлежности и большого окуня. Во многих лавках и домах на почетных местах, в частности в токанома, ставятся фигурки Эбису.

Праздник Эбису отмечается дважды в году – в начале года и в конце. В зависимости от района второй раз он проводится 20 октября или 20 декабря. В конце года ритуал предусматривает вынесение благодарности Эбису за удачный год. Точно так же как и в январе, в эти дни выставляют статуэтки бога, приглашают гостей. Богу преподносят ритуальную еду, а для друзей устраивают веселые вечеринки. Этому второму празднику предшествует специальная ярмарка Бэттара-ити (в Токио бывает 19 октября). Она проводится с периода Эдо. В ночь на 19 октября по обеим сторонам улиц, ведущих к храму Такарада в районе Одэмма, появляется много лавочек. Здесь

покупают все к празднику, в том числе соленую редьку – бэттара-дзукэ, название которой и дало имя ярмарке.

Со времен Эдо в этот день проводилась распродажа оставшихся товаров по сниженным ценам: в настоящее время она продолжается в течение всей недели, но уже никто не связывает ее с благодарностью богу Эбису, а все считают, что торговцы хотят сбыть неходовой товар или продать побольше, пользуясь низкими ценами, на чем и заработать. Таким образом, первоначальный смысл праздника утерян [131, с. 110].

В деревнях издревле существовал обычай на второй или четвертый день выполнять первую работу в году – сигото хадзимэ. Катаяма Сэн вспоминает: "В первый день нового года происходили различные церемонии. До сих пор отчетливо помню, что все эти обряды совершались как что-то священное, вокруг господствовала атмосфера торжественности, какой-то обновленности... мы отправлялись с прадедом на "первую порубку"... Срубив деревья нескольких пород: сосну, дуб, китайскую черную сосну, маки (широколистное вечнозеленое дерево. – Авт.) или каштан... несли их домой... Работу начинали на четвертый день нового года. В этот день глава крестьянской семьи шел с мотыгой на свое поле и делал один-два удара в землю. Окончив этот обряд, он снова продолжал праздновать. Некоторые крестьяне в первый раз в новом году торжественно выезжали в поле с плугом, который тянули быки" [42а, с. 67, 68J].

В ряде мест крестьяне все еще совершают церемонию первой работы в году – идут в лес за первой вязанкой дров, берут мотыги и лопаты для рыхления земли, а плотники – тесла, и символически все приступают к работе, вознося богам молитвы с просьбой обеспечить им успешный год.

Дети 2 января упражняются в каллиграфии (какидзомэ – начало письма), они старательно выводят иероглифы тушью: если в этот день они напишут их красиво, то значит и потом их почерк будет очень хорошим. В городах обычно эти образцы каллиграфии относят в школы, в деревнях по старинке сжигают в определенный день. Совершается также первая уборка жилища в новом году – хакидзомэ. Это делается либо 2, либо 4 января.

Важным мероприятием новогодних празднеств всегда считалось приготовление каши из семи трав (нанэгуса каю) 7 января. Этот обычай пришел из Китая в середине VIII в. Кашу ели на седьмой день нового года, который считался "разгрузочным". Она была не только легкой, но и целебной пищей. Ведь во время праздника люди обычно обильно едят и мало двигаются. Кроме того, на празднике, как правило, едят заранее приготовленную еду. В старину, когда не было холодильников, для сохранения праздничных блюд в них клали много соли или сахара, так что кушанья были очень тяжелы для желудка, поэтому нужен был разгрузочный день. В древности, когда действовал лунный календарь, нанэгуса каю готовили из дикорастущих трав. Но впоследствии некоторые из них стали заменять корнеплодами, число же компонентов – семь – оставалось неизменным, что, несомненно, связано с магией цифр. Обычно в набор трав входят: петрушка (сэри), пастушья сумка (надзуна), мокричник (хакобэра), глухая крапива (хотокэ-но дза), репа (судзуна), редька (судзисиро), сушеница (тогё).

В перечисленных растениях много железа и белка, например в мокричнике содержание белка достигает 27 %. А такие травы, как сушеница и глухая крапива, хорошо влияют на регулирование кровяного давления. Репа и редька благоприятствуют пищеварению. Короче говоря, нанэгуса каю – это народное средство от разных болезней.

С этой же целебной целью 15 января принято есть кашу из бобов адзуки (адзуки гаю), богатых витамином В. Кроме того, по старому поверью, у отведавшего такой каши в наступившем году не будет никаких несчастий и его не коснется влияние злых сил. Адзуки гаю делают из мелких красных бобов и риса. Их долго варят в большом количестве воды, пока масса не загустеет. В ряде районов по старой традиции ее готовят мужчины.

Оригинальной новогодней обрядностью, с которой связывают успехи в делах или в учебе, является ритуал обмена деревянными птичками в храмах Тэндзин. Птички должны обязательно относиться к отряду восточных снегирей

– усо, и вся церемония носит название "усо-гаэ" (гаэ – обмен). По-японски слово "усо" означает также и "ложь". Поэтому ритуал имеет и второй смысл – обменять ложь на правду.

Наиболее популярен этот праздник в храме Тэндзин в г. Камэйдо (пригород Токио). Те, кто хочет добиться удачи, например студенты, приходят в храм и приносят вырезанных из дерева и раскрашенных птичек (как правило, полученных в храме в прошлом году). Птичку держат на рукаве и ходят перед храмом. Проходя мимо друг друга, каждый пытается схватить чужую птичку и отдать свою. Считается, что среди птичек, раздаваемых храмом, есть одна из чистого золота, и каждый, конечно, хочет заполучить именно ее. И кто знает, может, вера в золотую птичку и поддерживает интерес к этой игре. Примечательно, что в период Токугава эта церемония была запрещена, так как она проводилась ночью и способствовала процветанию воровства. Но, несмотря на это, традиция жива до сих пор. Праздник раньше проводился 7-го числа первого месяца, а сейчас в зависимости от района либо 7 января, либо 24–25 января [149, 19.01.1985].

Демонстрация мастерства во время ежегодного праздника-соревнования пожарников в г. Токио

Обычным завершением многочисленных новогодних торжеств являются праздники, связанные с сакральным смыслом огня. Огонь – это стихия, которой приписывают очищающее свойство. Как мы уже говорили, праздники большей частью завершаются проводами божества. На Новый год тосигами, как правило, провожают ритуальным огнем. Этот обряд проводится в разных местах страны не одновременно и часто называется по-разному. В Восточной Японии это – Тондоэки или Дондоэки, в Западной – Сагитэ, в преф. Ниигата – Сай-но ками. Традиция эта весьма древняя, о ней упоминалось еще в письменных источниках эпохи Хэйан. Обычно во время праздника разводят костер, в котором сжигают все новогодние украшения и пекут лепешки. Согласно поверьям, лепешки, приготовленные на этом огне, обладают целебными свойствами и изгоняют злых духов.

В празднике Сай-но ками в Ниигата самое активное участие принимают дети, которые собирают и приносят к храму новогодние украшения. На месте, где будут провожать божество, из сосновых веток и старой рисовой соломы строят что-то вроде шалаша, верхушку которого перевязывают симэнава, и в нее вставляют белый веер с изображением ярко-красного восходящего солнца. Вокруг шалаша складывают новогодние украшения. Вечером 15 января все это сооружение поджигают. Взметнувшееся пламя и появившийся дым означают, что божество возвращается на небо, где оно будет находиться до следующего года.

Праздник Сагите раньше проходил так же, как и Сай-но ками, в ночь полнолуния. Но в настоящее время он стал весенним праздником, который проводится в конце февраля (в преф. Фукуи) и даже в марте (в преф. Сига). Его особенностью в храме бога Хатиман в г. Оми (преф. Сига) является наличие красочных тележек. Их украшают бамбуковыми шестами, обвитыми красными и голубыми бумажными лентами. В декоре используются непременно и знаки зодиака. Шествие тележек, которые толкают мужчины в женских нарядах с раскрашенными лицами и празднично одетые дети, направляется к храму. Кульминацией праздника является сжигание тележек ночью. Вокруг огромного костра веселится молодежь [111, с. 11, 43]. В г. Сэндай (преф. Мияги) особой популярностью пользуется Дондоэки, называемый там Дондонъяки, проводимый 15 января. Он называется так потому, что во время веселых плясок вокруг костра дети кричат "дондон", отбивая такт бамбуковыми шестами.

Одним из зрелищных мероприятий первых дней нового года является демонстрация мастерства пожарников – дэдзомэсики. Пожарники всегда были очень нужными людьми в Японии. Ведь страна по существу вплоть до конца второй мировой войны была почти сплошь деревянной. А способ обогрева японских жилищ – хибати (жаровня с углями) и катацу (вделанная в пол жаровня) – весьма способствовал возникновению пожаров. В середине XVIII в. пожарное дело становится профессией, и с этих пор появился обычай проводить смотр пожарных команд, на котором они демонстрировали свое искусство. Обычно эти парады проходили на площади перед императорским дворцом. С 1965 г. их стали устраивать в каком-нибудь парке столицы. Это очень красочное, захватывающее, поистине цирковое зрелище. И как напоминание об истории, рядом с современными атрибутами развеваются вымпелы пожарных команд прошлых веков. Пожарные одеты в традиционные темно-синие куртки. Они проделывают виртуозные номера наверху высоченных бамбуковых лестниц: делают стойку, повисают вниз головой, пролезают между перекладинами и т. д. Этот традиционный праздник столичных пожарников постепенно начинает распространяться в другие города и селения.

Снежные праздники

Неповторимое своеобразие новогодним торжествам придают снежные праздники (юки мацури). Часть из них несет ритуальную нагрузку, имеющую отношение к урожаю, так как обильный снег обещает богатый урожай. Отсюда и слово "снежный" в названии праздников. Большинство снежных праздников связано с отправлением культа бога воды (мидзугами), иногда они даже называются мидзугами-сай (праздники Бога воды). Элементами этих праздников часто являются песни и представления ториои, что означает изгнание птиц или насекомых, охрану полей для сохранения урожая. Ведь от разного рода вредителей и по сей день погибает до трети урожая. Не случайно, что песни ториои можно услышать и сегодня в сельской местности. Поскольку в свое время "изгнание" осуществлялось с помощью зажженных факелов, то в этой обрядности упоминается и Бог огня. Некоторые юки мацури носят чисто развлекательный характер.

Типичным примером первого типа снежных праздников является юки мацури, проводимый в местечке Ниино (уезд Симоина, преф. Нагано). Эта местность вообще богата старинными исконно японскими традициями. Снежный фестиваль в Ниино, отмечаемый с XIII в., непосредственно связан с дэнгаку мацури, который проводится для ублажения бога плодородия, о чем мы расскажем в следующей главе. Он отмечается 15 января, и если к этому дню выпадает мало снега, то за ним ходят высоко в горы. Кроме того, предварительно проводят различные церемонии очищения, подготавливают микоси и факелы.

В день праздника процессия с микоси отправляется в главный храм Идзу. Она идет по снежному полю так, чтобы солнце светило в спину. В руках у мужчин – колотушки, у мальчиков – барабаны, но они безмолвствуют. В роше главного храма микоси встречаются с факелами. Главный факел, который устанавливается во дворе храма, достигает девяти метров в высоту. После встречи микоси начинается исполнение танцев – дэнгаку- одори. Эти сельские пляски весьма разнообразны и сопровождаются большим шумовым оформлением. Танцы бога Хатимана и маленьких лошадок, воробья и льва, лошадей и быков, веселое представление кузнецов, удары барабанов, пение флейт – все это создает подлинно праздничное настроение. Среди множества неразборчивых выкриков отчетливо слышны возгласы "Большой снег! Большой снег!".

Одной из составных частей праздника является исполнение специальных песен полей — та-асоби-но ута. Эти песни поют вокруг большого факела. Кульминационным считается тот момент, когда в полночь зажигается большой факел, в отблесках которого, согласно поверью, появляются боги. Эта обрядность несет на себе печать весеннего пробуждения природы после зимнего безмолвия [113, с. 116-117].

Описание снежного праздника в одной из горных деревень преф. Ниигата можно прочитать в повести Кавабата Ясунари (1899-1972) "Снежная страна":

"Четырнадцатого февраля — "Торией" — "Изгнание птиц с полей", ежегодный детский праздник в этом снежном краю. За десять дней до него собираются все деревенские дети, обутые в сапожки из рисовой соломы, и утаптывают снег в поле. Потом вырезают из него большие кирпичи, примерно в дна сяку (1 сяку = 30,3 см. — Авт.) шириной и высотой. Из них строят снежный храм. Каждая сторона храма — около трех кэн (1 кэн = 1,81 м. — Авт.), высота — больше одного дзё (1 дзё — 3,03 м. — Авт.). Четырнадцатого февраля вечером перед храмом зажигают костер, сложенный из собранных со всей деревни си-мэ. В этой деревне Новый год празднуют первого февраля, так что до четырнадцатого украшения еще сохраняются. Затем дети поднимаются на крышу храма и, толкаясь и озорничая, поют песню "Торией". Потом все идут в храм, зажигают свечи и проводят там всю ночь. А пятнадцатого, ранним утром, еще раз исполняют на крыше храма песню "Торией" [41, с. 235].

Крестьянская детвора до сих пор любит такие праздники, несмотря на появление других многочисленных развлечений. Корреспондент одного из сельскохозяйственных журналов наблюдал тории в г. Мацунояма в преф. Ниигата. Там в ночь на 14 января 1985 г. мальчики группами человек по десять обходят дома жителей городка. Они идут цепочкой друг за другом, утопая в снегу. Фонарей не берут, так как на белом снегу хорошо видны следы и не страшно. Подходя к дому, дети громко извещают о своем прибытии специальной песенкой. Из дома выходят взрослые и дарят детям заранее припасенные мешки с мандаринами и сладостями. Этот вечер дети ждут с нетерпением. [144, с. 64]. Аналогичный праздник, но под названием Хацуума (Первый день лошади) можно наблюдать 15 января в деревне Тока преф. Тояма.

К снежным праздникам относится и обряд постройки снежных хижин — камакура. Он характерен для Северной Японии и ведет свое происхождение от новогоднего обычая в местечке Хороха (уезд Хирака, преф. Акита) строить снежные пещеры. В них собиралось много народу, чтобы провести там ночь накануне "несчастливого" дня во избежание несчастья.

История появления названия обряда камакура неизвестна. Существует несколько различных вариантов его происхождения. Во-первых, этимологию этого слова связывают со словом "пещера" на языке айну — коренного населения Японских островов. Во-вторых, оно часто встречается в детской песенке об изгнании птиц, которую исполняют во время этого праздника. В-третьих, слово "камакура" широко используется в народной традиции вообще с тех пор, когда г. Камакура был столицей государства (1185-1382). Кстати сказать, одна из обрядностей изгнания птиц с полей с помощью огня (тории-сагитё) в г. Акита носит также название "камакура" [115, с. 39].

Наиболее известным является праздник Камакура в г. Ёкотэ (преф. Акита), который проводится 15-17 февраля. Раньше он отмечался в середине января в ночь полнолуния, в некоторых местах эта дата сохраняется и поныне. Но в г. ёкотэ день праздника был перенесен, по всей видимости, из-за недостатка снега в этом районе в январе.

Камакура — праздник детский. Из снега или льда строятся хижины, вмещающие 3-4 или 7-8 человек. Раньше их конструкция имитировала старинные японские постройки на севере страны. Это были сложенные из снежных брикетов четырех-угольные строения, крыша которых напоминала ставни. После войны появился новый тип построек — шарообразных, похожих на эскимосские иглу. В одной из стен делается круглое отверстие для входа, которое обычно завешивается темно-синей занавеской. У входа висит

маленький колокольчик. В противоположной от входа стене вырубается алтарь, на который кладут подношения Богу воды. Когда-то это делалось с целью избежать засухи и имело религиозную окраску. В настоящее время это лишь развлечение для детей.

В середине снежной хижины устанавливается жаровня, и, несмотря на то, что нет двери, внутри достаточно тепло. Пол, как в обычном японском доме, устлан татами. И здесь соблюдается обычай снимать обувь (в данном случае соломенные сапожки) перед входом в помещение. Раньше хижина освещалась свечами, сейчас – электрическими лампочками. Дети играют, поют песни, едят сладости и фрукты, даже пьют легкое сакэ, угощают гостей из соседних хижин, сами ходят в гости. Когда приходят взрослые, то, по обычаю, они что-нибудь приносят хозяевам хижин – хотя бы мелкую монету. Как правило, детвора проводит в этих хижинах всю праздничную ночь.

Описанная картина – типична для данного праздника. Во всех туристских путеводителях по северным районам страны, а также в альбомах или популярных изданиях, посвященных традиционным японским праздникам, помещают фотографию именно такой камакура. Через полукруглый вход видно освещенное помещение, где на невысоком помосте вокруг огня сидят детишки, одетые в хлопковые хаори (накидка японского покроя, принадлежность парадного костюма).

Как правило, такие камакура строятся с помощью взрослых, во всяком случае при их консультации. Когда же их делают дети своими руками, то они выглядят намного проще. Например, в деревне Хироками (преф. Ниигата) ребята строят из снега четырехугольник и сверху прикрывают его доской (по типу того, как наши дети строят снежные крепости). Когда же выпадает очень много снега и образуются сугробы, то они просто вырывают в них пещеры [144, 1979, № 1, с. 64].

В день праздника Камакура на базарах продаются специально приготовленные рыбные и овощные блюда, а также игрушечные маленькие собачки (инукко), которых дети кладут на алтарь в своих снежных хижинах. Эти игрушки делают из теста, замешенного на рисовой муке. По поверью, собачки обладают способностью отгонять злых духов и сохранять здоровье детей. В некоторых местах, например в городке Юдзава около г. Камакура, эти собачки вместе с фигурками журавликов или рыбок считаются талисманами от воров. Здесь 15–17 февраля проводится даже специальный праздник Инукко мацури.

Праздник в г. Ёкотэ приобрел большую популярность в наше время благодаря широкой пропаганде его по радио и телевидению. В это время года Ёкотэ много зарабатывает на туризме, так как на праздник съезжается свыше 100 тыс. человек, и с каждым годом их становится все больше. Говорят, что некоторые приезжают на праздник ежегодно в течение многих лет. Их привлекает редкая в наше время возможность ощутить спокойную, размеренную атмосферу зимнего периода [105, с. 13–14].

Современным вариантом праздника Камакура являются снежные фестивали, которые отмечаются во многих префектурах Северной Японии. Например, в середине февраля в окрестностях г. Ёкотэ почти во всех городках и селениях вдоль течения р. Асахигава устраиваются выставки самых разнообразных снежных скульптур. Прообразом таких скульптур можно считать огромных "снежных баб", изображенных еще на гравюрах XIX в. [63]. 9–13 февраля празднуется Юкидоро мацури (фестиваль снежных фонарей). Около замка Хиросаки (преф. Аомори) устанавливаются не только хижины, но и скульптуры, а также примерно 300 фонарей, в которые вместо стекол вставляют картинки на исторические темы. Когда фонари зажигают, то эти картинки как бы оживают. В г. Синдзюкуиси (преф. Иватэ) в первой половине февраля устраивается десятидневный снежный фестиваль на крупнейшей в стране молочной ферме Коиваи. Он проводится с 1968 г. и собирает до 200 тыс. человек [149, 09.02.1985].

Во время некоторых юки мацури строятся не маленькие хижины для детей, а огромные дворцы и замки, синтоистские храмы, скульптуры, сцены из снега и льда, на которых проходят представления. Для таких грандиозных

сооружений требуется, естественно, много "строительного" материала, и таким образом город заодно очищают от снега. По этому поводу нередко звучит поговорка "иссэки ниттё" (букв, "одним камнем – двух птиц", в русском варианте – "убить двух зайцев сразу").

Церемония разбрасывания жареных бобов во время праздника Сэцубун – Пробуждения природы

Впервые такой праздник состоялся 18 февраля 1950 г. в г. Саппоро на о-ве Хоккайдо. Теперь он проводится обычно в течение пяти дней, как правило, в начале февраля. Это самый известный фестиваль префектуры и крупнейший из юки мацури в стране. Своим возникновением он обязан случаю. В 1950 г. учащиеся средней школы второй ступени, решив поразвлечься в скучное зимнее время, соорудили в парке Одори шесть снежных фигур высотой от трех до пяти метров. Скульптуры привлекли внимание более 50 тыс. зрителей. Затея всем понравилась, и постепенно родилась традиция. А сейчас уже многие считают, что этот праздник существовал с незапамятных времен – так прочно он вошел в жизнь народа.

В настоящее время в дни этого праздника сооружаются целые архитектурные ансамбли, превращающие город в фантастическую страну. Сначала тематика скульптур и строений была чисто японской: синтоистские храмы, их стражи, замки, величественные статуи Будды, легендарные герои, драконы и пр. Последние лет десять сюжеты стали носить интернациональный характер. На полуторакилометровой улице Одори коэн наряду с традиционными японскими святилищами выстраиваются и индийские храмы, и мавзолеи, и европейские дворцы. И вместо 50 тыс. зрителей ими теперь любуются ежегодно около 2 млн. посетителей. Строения располагаются на площадках шириной до 105 м. Высота сооружений в последние годы ограничивается в целях безопасности при ликвидации построек после окончания праздника. Раньше их делали из снега и обливали водой, сейчас, как правило, сооружают из блоков льда. Их устанавливают друг на друга, а потом уже скульпторы и архитекторы, подчас и непрофессионалы, обрабатывают блоки. Лед привозят пожарные и войска самообороны.

Праздник начинается с вознесения молитв перед ледяным синтоистским храмом, т. е. соблюдается древний ритуал. Затем начинается пышное, красочное зрелище. Проводятся различные конкурсы: исполнителей на барабанах, на старинных и современных музыкальных инструментах, конькобежные и лыжные соревнования, парад старинных костюмов и современных мод, идут различные театрализованные представления.

Фестиваль приносит городу большие доходы. Гостиницы, рестораны и закусочные, аттракционы и различные туры, по образному выражению одного из журналистов, являются мощной инъекцией в зимнюю экономику г. Саппоро. Непременные участники этого фестиваля – эскимосы [149, 26.01.1985]. Снежные фестивали, типа проводимых в г. Саппоро, уже не являются мацури в строгом значении этого слова, а превратились в торгово-туристические развлекательные мероприятия.

Такого рода праздники с постройкой дворцов, но более скромные, проходят и в других местах, например в преф. Ниигата в г. Токамати (во вторую субботу и воскресенье февраля) и в г. Муйка (10–11 февраля). В г. Муйка, в частности, сильны еще старые традиции, когда строили помещения из снега, где проводили "несчастливый день", жарили моти и ели их; били в деревянную колотушку и ходили по улицам с песнями, в которых говорилось об изгнании с полей вредных насекомых и птиц. Таким образом, и этот праздник, по существу, связан с надеждами на хороший урожай [113, с. 151; 115, с. 31; 118, с. 858].

Пробуждение природы – Сэцубун

Завершением новогодних празднеств является один из интереснейших и древнейших обрядов зимнего сезона – Сэцубун.

Это слово означает "водораздел сезонов", и им обозначается день накануне прихода нового сезона. Понятие "сэцубун" пришло в Японию с введением древнего китайского летосчисления и относилось к четырем дням в году – канунам наступления весны (риссюн), лета (рикка), осени (риссю) и зимы (ритто). Но постепенно все большее значение придавалось кануну прихода весны, так как она ассоциировалась с пробуждением природы, началом года и сельскохозяйственных работ. Поэтому Сэцубун рассматривался как канун Нового года, хотя и не совпадал с началом календарного года. Таким образом, у японцев может быть три предновогодних вечера – по солнечному и лунному календарям и сэцубун.

По солнечному календарю Сэцубун приходится на первую декаду февраля (обычно празднуется 3 или 4 февраля); по лунному календарю он бывал и в 12-м, и в 1-м месяцах. В некоторых сельских районах Сэцубун все еще отмечается по лунному календарю, и здесь он более популярен, чем канун Нового года по солнечному календарю, возможно, благодаря его сакральной обрядности.

Появление обряда Сэцубун связывается с одним из важнейших понятий китайской философии – инь-ян. Это два противоположных взаимодействующих начала, лежащие в основе мироздания: света и тьмы, положительного и отрицательного, активного и пассивного, юга и севера, женского и мужского и т. п. Считалось, что на стыке сезонов эти начала противостоят друг другу, что вызывает опасность появления разного рода несчастий. Отсюда необходимость недопущения активизации злых сил и рождение своеобразной обрядности изгнания демонов. Последняя имеет несколько названий – они-ярай, они-хараи, цуина, ониоисики, но суть их одна: прогнать злых духов и обеспечить себе благополучие.

Сэцубун как праздник начал отмечаться с эпохи Хэйан, первоначально среди аристократии, а затем и других сословий. С эпохи Токугава, т. е. с XVII в., он вошел в жизнь каждой семьи и одновременно начал широко отмечаться в наиболее известных храмах, превратившись в своего рода торжественное зрелище.

Сэцубун широко освещен в таких произведениях средневековья, как "Гэндзи моногатари" Мурасаки Сикибу, "Адзума кагами" ("Зерцало Адзума" – хроника правительства раннего периода Камакура, 1180–1260 гг.), "Тююки" ("Записки правого (второго) министра Фудзивара Мунэтада", начало XII в.) и "Макура-но соси" Сэй Сэнагон [116, с. 357].

В обрядность Сэцубун входит изгнание злых духов с помощью амулетов и разбрасывания бобов. В таком виде она дошла до нас со времен Муромати [118, с. 427]. Амулет, как правило, представляет собой ветку вечнозеленого кустарника османтус с колючими листьями и с сильным запахом цветов. На ветку османтуса насажена высушенная голова рыбы иваси. Во время Сэцубун амулет кладут у входа в дом. С периода Хэйан существовала легенда, что в этот вечер злой дух Кагухана появлялся в городе, ловил и поедал девушек и детей. Но Кагухана не любил запахов сушеной иваси и османтуса и старался обходить те места, где был этот запах. Если же он хотел отбросить со своей дороги эти сильнопахнущие предметы, то наткнулся на колючки османтуса и тоже не мог проникнуть в дом. В некоторых местах в качестве амулетов используют обладающие сильным запахом чеснок, лук или

шерсть [116, с. 357]. Очевидно, обычай использовать сильнопахнущие предметы как обереги японцы позаимствовали у айнов.

Разбрасывание бобов (мамэмаки, или мамэути) связано с другой легендой. Согласно легенде времен императора Уда (888–896), во время его царствования в городе появился злой дух, сошедший с горы Курама. Чтобы изгнать его, семеро ученых монахов возносили молитвы в течение 7749 дней, а затем откупились от него бобами: пришли к пещере, где он обитал, и бросили ему 3 коку и 3 то бобов[4] [115, с. 30]. Существует еще одна версия возникновения обычая разбрасывания бобов. В стародавние времена в Японии свирепствовала эпидемия, которая унесла много жизней. Считали, что в распространении болезни повинны черти. И поэтому в канун Сэцубун в них бросали поджаренные соевые бобы.

Разбрасывание бобов – наиболее важная часть обряда. Бобы жарят на огне, который, как уже говорилось, считается очищающей стихией. В домах бобы разбрасывают не только у входа, но и в комнатах, особенно в темных углах, где якобы и могут находиться черти. Обычно этот почетный обряд выполняет хозяин дома. Во время разбрасывания бобов приговаривают: "Они ва сото – фуку ва ути" ("Черти – вон, счастье – в дом!"). Эта присказка, вероятно, вошла в обиход с периода Токугава. Потом бобы собирают и едят в качестве ритуальной пищи, чтобы отвести всяческие болезни. Считается, что надо съесть столько бобов, сколько тебе лет, и еще один для того, чтобы в наступившем году ты был здоров и удачлив в делах. С эпохи Хэйан существовал также обычай заворачивать бобы (по числу лет плюс один) в бумагу и ночью класть сверток на перекресток дорог, чтобы кто-нибудь на него наступил [131, с. 124]. В этом случае все несчастья прошлых лет покинут человека. Такой обряд описан в "Мунэнага сюки", дневнике военачальника и кронпринца Мунэнага, жившего в XIV в.

Для изгнания беса, вселившегося в самого человека, использовали в старину обряд цуина: нюхали атрастилис, сильнопахнущую траву, или ели моти, замешенные на этой траве. Данный обряд описан в "Сики-моногатари", литературном памятнике эпохи Камакура.

В сельской местности в этот день изгоняют не только злых духов, но и вредных насекомых и змей, для чего во дворах жгут ветки деревьев. Считается, что треск горящих веток отпугивает всякую нечисть. С давних пор праздник заканчивается вечеринками.

Обряд изгнания бед проводится во всех храмах, синтоистских и буддийских. В первых он называется сэцубун-сай, или цуина-сики, во вторых – сюсё-э. Во время ритуального обряда разбрасывания бобов перед храмами собираются толпы народа. После совершения религиозного обряда из храма с шумом выбегают мужчины в костюмах демонов и смешиваются с толпой. Несколько позже появляются переодетые монахи, которые гонят демонов по улицам, а затем возвращаются в храм, после чего начинается церемония разбрасывания жареных бобов.

Обряд совершает специально избранный для этой цели "человек года" (тоси-отоко). Впервые о "человеке года" и его функциях в этой обрядности упоминается в "Имагава Дайсю-си", записках полководца и поэта Имагава (1325–1420). Это обычно наиболее влиятельные, уважаемые люди: депутаты, популярные артисты, писатели, борцы сумо и т. п. Сейчас совершение обряда доверяют даже женщинам. Праздник приносит выгоду и храмам, где собирается много народа, и тоси-отоко, способствуя их популярности. Таких тоси-отоко может быть 100 и более человек, как, например, во время этого праздника в г. Тага (преф. Сига). Тоси-отоко в синих национальных одеждах с гербами на спине, красных шапочках типа беретов стоят полукругом во дворе храма, отгороженные от толпы симэнава, в руках у них деревянные коробочки, наполненные завернутыми в белую бумагу бобами. Кидая жареные бобы в толпу, они кричат: "Они ва сото, фуку ва ути". На лицах людей, которых собирается во дворе храма не одна сотня, можно прочесть целую гамму чувств. Это и радостное оживление, и насмешка, и надежда, и искренняя вера, и полное презрение ко всему происходящему [112, с. 165]. В некоторых храмах, например Хорюдзи и Кофукудзи в г. Нара, Хэйан в г.

Киото, Нагата в г. Кобэ и др., устраиваются представления, сюжетом которых является изгнание демонов богами.

Ежегодный праздник-соревнование юношей в г. Янаидзу (преф. Фукусима). Соревнование проводится в храме того же названия. Победителем считается тот, кто быстрее других поднимется по канату и тем самым обеспечит себе удачу в предстоящем году

Увидеть этот же обряд можно на гравюре Хокусая "Изгнание дьявола". Огромный мужчина в одежде самурая XII-XVI вв. энергично бросает бобы в дьявола, который в страхе убегает. Дьявол, обросший шерстью, изображен с рогами, огромными когтями; он весь сжался и торопится удрать. В верхней части гравюры изображены атрибуты Нового года – пучки соломы и листья папоротника [47, с. 85].

Современные фотографии зафиксировали своеобразное проведение этого праздника в 1958 г., когда было завершено строительство токийской телевизионной башни высотой 333 м. На скоростных лифтах тоси-отоко поднялись на застекленную смотровую площадку, откуда они бросали в толпу, собравшуюся у подножия башни, "священные" бобы. Трудно сказать, долетели ли эти бобы до тех, кто жаждал с их помощью обрести удачу, но хозяева башни и участники мамэмаки свои доходы получили.

И в наши дни значительная часть японских семей исполняет отдельные элементы обрядности Сэцубун, в особенности мамэ-маки, хотя ему уже не уделяется такое внимание, как в эпоху Токугава, когда он был одним из важнейших праздников года.

Глава 3. Земледельческие обряды японцев

Истоки земледельческих обрядов

Значительное место среди календарных праздников у любого народа занимают праздники старого сельскохозяйственного календаря с древней и богатой обрядностью. Большинство из них намного старше любой официальной религии мира, будь то ислам, буддизм или христианство. Земледельческие праздники связаны с приспособлением человека к окружающей среде, с его трудовой деятельностью.

Сельскохозяйственные обряды неотделимы от природного цикла, бытового уклада народа, его культуры. Они насыщены разнообразными эмоционально-развлекательными компонентами, обрядово-игровыми действиями, различными спортивными и трудовыми соревнованиями.

Поскольку эти праздники возникали в процессе трудовой деятельности людей, то они, естественно, отражали их опыт по освоению окружающей среды и этнопсихологический уклад жизни. "Не случайно все старые календарные праздники концентрируют богатейшие рациональные фенологические и